

нормальным явлением и стало побочной целью кампании по привлечению писателя в социалистическое строительство. Можно утверждать, что если в 1920-е гг. «общественно-культурная жизнь страны <...> строилась в расчете на массовое сознание»⁹ и писатели творили для читательской массы, то в 1930-е гг. начинается процесс формирования массы писателей, подконтрольной и управляемой, готовой откликнуться на лозунги и призывы.

Процесс формирования писательской массы, начавшийся в конце 1920-х гг. и нашедший свое выражение в кампании по привлечению писателей в социалистическое строительство, продолжался на протяжении всех 1930-х гг., привел к постановлению «О перестройке литературно-художественных организаций» и утверждению в 1934 г. основного метода советской художественной литературы и литературной критики – социалистического реализма.

УДК 811.161.1'42:070

ДИСКУРС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ В ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ 2012 ГОДА (на примере публикаций «Новой газеты»)

Т. Ю. Кравчук

Саратовский государственный университет
E-mail: kravchuktanya30@rambler.ru.

В статье рассматривается политический дискурс российской оппозиции в предвыборной президентской кампании 2012 года (на примере материалов № 136 (2011) – № 22 (2012) «Новой газеты»), дается анализ средств речевого воздействия и целей их использования, а также описываются другие особенности дискурса этого периода.

Ключевые слова: политический дискурс, речевое воздействие.

Discourse of Political Opposition in Presidential Elections Campaign of 2012 (on the example of *Novaya Gazeta* (New Newspaper) publications)

T. Yu. Kravchuk

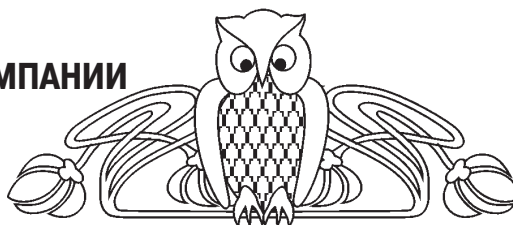
The article considers political opposition discourse in the presidential elections campaign in Russia in 2012 (on the material of № 136 (2011) – № 22 (2012) of *Novaya Gazeta*). The analysis of methods and means of linguistic manipulation and purposes of their usage is given; other discourse features of this period are described.

Key words: political discourse, linguistic manipulation.

В предвыборный период обостряется борьба политических противников. Это время, когда особенно эффективно реализуется главная функция политического дискурса – борьба за власть, от

Примечания

- 1 История русской литературной критики : учеб. пособие для студентов / под ред. В. В. Прозорова. М., 2000. С. 297.
- 2 Голубков М. Русская литература XX века (после раскола). М., 2002. С. 10.
- 3 Елина Е. От девятьсот двадцатых к двухтысячным : литература, журналистика, литературная критика : сб. ст. Саратов, 2012. С. 40.
- 4 Там же.
- 5 Писатель и современность // Лит. газ. 1929. 7 мая. Далее ссылки на «Литературную газету» даются в тексте с указанием в скобках названия материала и даты выхода.
- 6 Елина Е. Литературная критика и общественное сознание в Советской России 1920-х годов. Саратов, 1994. С. 45.
- 7 Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2002. С. 112.
- 8 Арентс Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996. С. 420.
- 9 История русской литературной критики. С. 255.

сказанного политиками в это время во многом зависит положение их политической силы в ближайшем будущем и политическая ситуация в стране в целом. Эти факторы влияют на предвыборный политический дискурс, который особенно насыщен средствами и приемами речевого воздействия на электорат. Речевое воздействие проявляется в разных жанрах политических выступлений – дебатах, интервью, на интернет-сайтах партий и кандидатов на посты, в статьях лояльных СМИ.

В данном исследовании мы проанализировали предвыборный дискурс президентских выборов 2012 г., который, по мнению многих политологов, журналистов и политиков, стал самым ярким периодом политической жизни России последних лет. Ни для кого в нашей стране не секрет, что этот непродолжительный период – с декабря 2011 г. по февраль 2012 г. – сильно изменил отношение общества к политике и власти, его участие в политической жизни или хотя бы привлек внимание к ней.

Материалом для исследования стали номера «Новой газеты» за декабрь 2011 г. и январь-февраль 2012 г. – самый острый момент нарастающей политической ситуации, судя по количеству публикаций, посвященных теме предстоящих выборов. Мы постараемся проанализировать дискурс этого периода и описать те его особенности, которые повлияли на сложившуюся политическую ситуацию в стране и отношение к власти.

В первую очередь, стоит отметить тот факт, что важной чертой этого периода является связь политического дискурса предстоящих выборов с дискурсом недавно прошедших парламентских выборов. Эта связь очевидна, так как парламентские выборы и стали резонирующим событием, приведшим к изменению политической ситуации в стране. На эту связь часто прямо указывают. Например, в интервью с М. С. Горбачевым речь идет о том, что связь должна всячески поддерживаться:

Я думаю, самое главное: мы должны связать это с президентской кампанией (Новая газета, 23.12.11).

Само помещение в контекст декабрьских выборов негативно окрашивает президентские выборы, поскольку в обществе сложилось явно неприязненное отношение к первым. За выборами закрепляется устойчивое и по сей день определение – прошедшие в декабре выборы *грязные*, общество требует новых *честных* выборов. Иначе не протяжении всего указанного периода выборы практически не определяются.

«Предстоящие выборы в Приморье будут еще более грязными и жесткими с точки зрения использования административного ресурса, – считает депутат краевого парламента Евгений Бочаров» (Новая газета, 20.02.12).

Агитационная кампания кандидата в президенты России Владимира Путина в Екатеринбурге началась мощно, но грязно (Новая газета, 11.01.12).

Особенностью употребления этих двух определений является то, что говорящие часто используют определение «честные» в кавычках. Кавычки подчеркивают негативное оценочное отношение говорящих.

В Екатеринбурге продемонстрировали, как пройдут «честные выборы» президента России, обещанные Владимиром Путиным (Новая газета, 11.01.12).

В первых примерах слово *грязные* использовано в прямом значении, а во втором «честно» – в антонимическом, что достигнуто благодаря использованию кавычек. Но выбор слова *честно* определен сформировавшимся лозунгом оппозиционной борьбы этого периода «За честные выборы!».

Авторы часто прибегают к использованию кавычек в других случаях для создания средств речевого воздействия:

Но уже после митинга 10 декабря стало ясно: его беспрецедентная для путинской России многолюдность не заставит власть признать состоявшиеся парламентские «выборы» недействительными и назначить новые (Новая газета, 11.01.12).

Значение слова в кавычках меняется, говорящий относится к сказанному иронически, что и передает этим знаком. Кавычки означают сомнение автора в правомерности называния прошедших выборов словом *выборы* вообще, то

есть сомнение в их честности и легитимности. Это мнение внушается читателю.

Проанализированный материал показал, что весьма распространенным в указанном периоде было такое средство речевого воздействия, как обвинение. Однако обвинение принимало довольно разные формы. Многие газетные материалы содержали в себе серьезное расследование с привлечением фактов, документов и свидетельств важных лиц. В таких статьях журналист последовательно доказывает одно или несколько положений о причастности политической силы вообще или ее конкретных представителей к неправомерным действиям, махинациям и т. п.

Начавшись с рокировки накоротке, президентская кампания продолжается с грубым нарушением правил. «Новая газета» собрала топ-7 нарушений на выборах (Новая газета, 23.01.12).

В статье, содержащей указанный пример, далее следуют методично доказанные факты, многочисленные материалы для обвинений, свидетельства конкретных людей.

Но обвинение часто было необоснованным, что, конечно, связано с накалом политической борьбы.

Мы будем требовать вызова на первое заседание по разбору выборных «полетов» генерального прокурора, начальника Следственного комитета, министра внутренних дел и, безусловно, главного жулика – Чурова», – сказал эсер (Новая газета, 14.12.11).

Главной политической проблемой нашей страны является не уровень и качество демократии или защиты свобод и прав граждан, как это принято считать, а неограниченная и тотальная ложь в качестве основы государства и государственной политики (Новая газета, 15.02.12).

Серьезные обвинения в приведенных примерах не подкрепляются доказательствами и фактически являются голословными. Но их уверенная подача заставляет читателя воспринимать их, не подвергая критической оценке, как факты. Автор выдает свои умозаключения за единственно верные, не допуская иного мнения.

Вероятно, в какой-то степени выбор столь ярко эксплицитного средства речевого воздействия связан с характером издания, считающегося остро оппозиционным, авторы обычно очень прямолинейны. Но стоит отметить, что обвинению подвергаются только представители власти. Этот прием речевого воздействия, как показали рассмотренные материалы, никогда не направлялся против какой-либо оппозиционной силы.

На продемонстрированных примерах обвинения видно то, что можно также отнести к числу особенностей политического дискурса оппозиции этого периода, – дискредитация одного из кандидатов, занимающего на тот момент пост премьер-министра и представляющего вершину исполнительной власти в стране, ведется опосредованно, через людей, так или иначе являющихся его подчиненными. От-

ответственность за их неудовлетворительную работу, конечно же, падает на руководителя, но факты нарушений в их работе найти проще, да и насчитывается этих фактов, из-за многочисленности подчиненных, большее количество.

Речеводействующую силу в дискурсе указанного периода несет в себе и выбор оценочных номинаций¹. Яркой особенностью является выбор резко негативных номинаций. Как правило, на речеводействующей силе одного такого слова строится эффект целого предложения или нескольких предложений.

В многообразии лексических средств речевого воздействия этого периода можно выделить две группы номинаций, одна из которых формируется нами по объекту номинации, а вторая – по стилистической окраске всех ее лексических единиц.

К первой группе относятся номинации противника оппозиции – кандидата в президенты России Владимира Путина.

И второй вариант – владелец страны говорит: «Больше не хочу!» (Новая газета, 20.02.2012).

В примере используется стилистически нейтральная лексика, но, даже несмотря на это, выбор этих лексических средств несет на себе речеводействующий эффект. *Владелец страны* – негативная характеристика для президента демократического государства, как и приписывание ему распоряжений-капризов – *больше не хочу*. В другом номере «Новой газеты» (16.12.11) было опубликовано открытое письмо к кандидату в президенты В. Путину, в котором автор обращался к нему *милостивый государь*, что, вместе с контекстом письма, также формировало резко негативный образ для будущего главы демократического государства. В рамках развернувшейся на полосах «Новой газеты» программы обсуждения возможности изменения Конституции РФ, а именно изменения президентской республики (существующего строя, по мнению активистов этой программы) на парламентскую, фигурировала номинация *вождь*:

В Конституции не должно быть места для вождя (Новая газета, 11.01.12).

К другой группе оценочных номинаций мы относим стилистически окрашенные. Важно то, что вся эта лексика принадлежала к пласту тюремного жаргона.

Но отчетливо понимало, что иногда безопаснее быть наказанным по закону, чем ждать расправы паханов. Именно такая ситуация у этих пока не названных «креативщиков». Они подставили того, кого подставлять чревато (Новая газета, 13.02.12).

Паханами журналист называет штаб кандидата в президенты. Слово *пахан* относится к жаргонной лексике, но в данном случае использование жаргонизма важно не как характеристика говорящего, а, в первую очередь, как характеристика того, кого называют *паханами*. В примере продемонстрировано использование стилистически окрашенной лексики в качестве

приема речевого воздействия. Тот же прием виден и в этих примерах:

Это скорее глумливый юмор братков, а не давших присягу народу офицеров (Новая газета, 9.12.11).

Вооружившись легендой о группе «карусельщиков», которых «кинул» проигравший кандидат от партии власти в Приморском районе <...> (Новая газета, 9.12.11).

Перераспределили что есть – и харэ (Новая газета, 14.12.11).

Этот пласт стилистически окрашенной лексики используется для формирования и поддержания определенного образа партии власти и – в контексте этой предвыборной кампании – кандидата в президенты.

Анализируемый период предвыборного дискурса характеризовался прямой и преимуществом эксплицитно выраженного речевого воздействия. Однако, по мнению многих ученых², более эффективными считаются все же имплицитные средства речевого воздействия, поскольку они не осознаются адресатом как навязанное извне мнение, в результате чего не подвергаются критической оценке. Из их числа в материалах февраля широко распространен намек. Например:

Иногда вбросы организовывали сами члены комиссий. Например, в Интернете более 200 тысяч просмотров набрало видео, где на участке № 2501 в Москве наблюдатель зафиксировал, как прямо на рабочем месте «Николай Алексеевич», один из членов избирательной комиссии, заполняет бюллетени, понятно, за какую партию (Новая газета, 19.12.11).

Намек основывается на фактических сведениях, а последнее звено логической цепочки, которую строит журналист, благодаря намеку приходится достраивать читателю, что сильнее укрепляет полученную идею в его сознании.

Соратники нового замглавы администрации президента Володина занимают крупные посты (Новая газета, 13.02.12).

В приведенном примере журналист не обвиняет Володина в коррупции, но намекает на это, приводя факт – соратники так или иначе занимают крупные посты. Читателю не остается ничего, кроме как сделать вывод о связи новых назначений со старыми отношениями политиков.

В рассмотренных материалах намекают в основном на неправомерные действия представителей власти или людей, действующих в их интересах:

Во многих других местах гражданских активистов всё чаще бьют по лицу и проламывают головы «неустановленные граждане» (Новая газета, 29.02.12);

А в Ростове 23 человека, уже прошедших инструктаж для наблюдателей, вдруг в один день массово передумали (Новая газета, 5.12.11).

В рамках этого периода намек, как правило, используется тогда, когда для обвинения авторы не располагают достаточным количеством информации.

Иногда речевоздействующим потенциалом обладает не информация, на которую намекают, а сама форма намека. Например, использование номинации *самый главный кандидат, главный кандидат* своей формой должно возмущать читателя, провоцировать его на вопрос «Почему это он самый главный?» и тем самым отрицательно настраивать против этого кандидата.

Менее распространенным, но, полагаем, не менее эффективным, имплицитным средством речевого воздействия считается помещение высказывания в отрицательно оцениваемый контекст³. Рассмотрим пример:

С приходом индустриальных методов персональные названия остались лишь у кораблей, изредка у самолетов. Названия теперь стали присваивать запущенным в производство типам и сериям вооружения. Но древняя идея назвать пушку пострашнее не исчезла. Немцы в войну пустили нас «Тиграми» и «Пантерами», уже в НАТО строят «Леопарды» (Новая газета, 9.12.11).

Речь идет о машине милиции «Каратель», по словам журналиста, замеченной им на одном из митингов. Автор упоминает название машины отечественной полиции наряду с названиями техники традиционных «врагов» России, тем самым помещая название в отрицательно оцениваемый контекст, и отрицательная оценка передается самой российской полиции. Оценка дается, конечно, не прямо кандидату в президенты, но, как уже отмечалось, эта опосредованность принята в предвыборной кампании, что обусловлено действующим положением В. Путина. Этот же контекст распространяется в статье более открыто, так, что уйти от его речевоздействующей силы невозможно:

Кому в голову пришла идея назвать машину милиции словом, еще с войны устойчиво ассоциирующемся в нашем языке со словами «полицей», «зондеркоманда», «батальон «Нахтигаль», «палач», «жестокая несправедливость»? «Каратель» и «Закон» находятся в разных слоях языка (Новая газета, 9.12.11).

Нарастающая экспрессия и негативная коннотация в ряду слов-ассоциаций усиливает эффект от помещения в этот контекст.

Мы неоднократно отмечали, что в исследуемом периоде информационным поводом к материалу становится сенсационная информация, так или иначе дискредитирующая официальную власть. Источники получения этой информации не всегда сообщаются. Выбор указания на источник сообщения представляет особый интерес. Авторы пользуются приемом дезавторизации: формулами *недоброжелатели приписывают, остается лишь предполагать, злопыхатели назвали бы, называют, известно, по слухам, полагают злые языки*. Информация подается как слух, однако на ее восприятие для большинства адресатов это не влияет, читатель воспринимает ее как достоверный факт. Встречаются указания на «экспертов», которые не называются по именам (*как полагают*

наблюдатели, как полагают эксперты), но, тем не менее, создается эффект фактографичности, а информация вызывает доверие. Хотелось бы отметить, что этот прием речевого воздействия, на наш взгляд, рассчитан на невнимательного читателя, адресата с некритическим мышлением. Анализирующий, требующий доказательств читатель скорее испытает раздражение и утратит доверие к изданию, злоупотребляющему дезавторизацией в своих текстах.

Нами было отмечено и использование словообразовательного ресурса языка для речевого воздействия. Приемы речевого воздействия, строящиеся на словообразовании, считаются наиболее сложными, требующими творческих усилий и способностей от автора, что делает их довольно редким средством речевого воздействия. В статьях встречается уже ставшая штампом номинация «нашисты» (для участников молодежной организации «Наши»). Итогом именно этого периода политического дискурса можно назвать номинацию «путинги» (митинги в поддержку политической кандидатуры В. В. Путина). В проанализированном материале встретился экспрессивный окказионализм «стабилококк» (Новая газета, 10.02.2012), «новопутинская Россия» (Новая газета, 29.02.2012). Хочется добавить, что, на наш взгляд, злоупотребление новообразованиями также неблагоприятно сказывается на потенциале воздействия.

Сложность для автора представляет и создание метафор. Этот речевой прием требует от автора статьи художественного таланта для создания яркой, полной метафоры, которая при этом будет сильно заряжена негативным отношением к предмету воздействия.

А между собой, мне кажется, они общаются чавканьем. Такой вот интересный вид Homo politicus. Кстати, похоже, чавканьем они и размножаются. Питаются нашими мыслями, силами, именами, достоинством и «отбуцкают» любого чужака, не принадлежащего к их клану. Они стремятся взять в плен всех нас и нашу родину, ибо она и есть их враг. И вооружаются не для того, чтобы защитить Россию, а чтобы ее завоевать, победить, запугать и обустроить для себя (Новая газета, 25.01.12).

Автор создает яркий образ, называя существо *Homo politicus* и детально описывая его черты. Этот метафорический образ, вызывая негативные эмоции читателя, переносит их на политические силы, скрываемые за метафорой.

Другой пример:

Эта монополия на вещание сразу всем и от лица всех – стержень, на который эти люди насажены и без которого обвисают, как тряпка (Новая газета, 14.12.11).

Но, на наш взгляд, этот период не создал метафор, ставших узнаваемыми, продолживших существование в дальнейшем политическом дискурсе страны. Обычно в рамках одной статьи представлена развернутая метафора, цель этого –

произвести сильное впечатление на читателя, то есть единовременное воздействие.

Нынешний кризис власти (Центр стратегических разработок оказался прав) – это прежде всего крах проекта «Партия телевизора», всей вот уже почти 12-летней постановки. Спектакль затянулся, зритель устал раньше караула, уже и Железняк не помогает (Новая газета, 14.12.11).

Особым проектом в рассмотренный период издания является конкурс «Новой газеты» в социальной сети Facebook. Пользователям предлагалось придумать лозунг для митингов оппозиции. Победившие в голосовании и выбранные редакторами лозунги печатались в газете. Статьи с обзорами конкурса выходили довольно часто, и в этих обзорах само перечисление лозунгов усиливало речевое воздействие. Как правило, лозунги представляли собой прямые обращения к власти:

Мы – не оппозиция, мы ваши работодатели. Мы не протестуем, мы вас увольняем (Новая газета, 30.01.12).

Многие лозунги имели форму риторических вопросов:

Чуров, где наши голоса? Госдеп, где наши деньги? (Новая газета, 30.01.12).

Но особый интерес представляют лозунги, содержащие игру слов:

А король-то гонимик! (Новая газета, 30.01.12);
Не Пут ин, а Пут офф (Новая газета, 30.01.12);

Четвертый срок – это уже через Чур (Новая газета, 30.01.12);

С наступающим старым гадом! (Новая газета, 30.01.12).

Особую роль в создании лозунгов играл выбор номинаций. Разговорная лексика в обращениях к власти, а также игра слов, граничащая с прямыми оскорблениями, на глазах читателей снижала авторитет власти. Речь идет о приеме перехода на личности³. Он, конечно, считается весьма эффективным, но нельзя умолчать о его эксцентричности.

Разновидностью этого приема речевого воздействия можно назвать частое упоминание в репортажах с митингов и акций протеста звучащих там лозунгов. Например:

Каждый час 10 минут мы долбим по кроватям, по решеткам, скандируем: «Свобода!», «Россия без ЕдРа!», «Нет полицейскому государству!» (Новая газета, 12.12.11).

Надо назвать это весьма интересным приемом речевого воздействия, имеющим, как минимум, две цели: во-первых, речь идет из уст не журналистов, а протестующих граждан, которые ближе читателю, а во-вторых, жанр репортажа маскирует этот способ речевого воздействия, приближая его к имплицитному.

Особенно интересными явлениями предвыборного дискурса 2012 г. мы считаем выбор журналистами редко встречающихся в СМИ жанров – фельетонов (Новая газета, 10.02.2012), своего рода настольных игр, например, «Выбери

президента» (Новая газета, 10.02.2012), схем и рисунков. Творческий подъем, ставший причиной появления подобных материалов, в очередной раз подтверждает важность этого предвыборного периода и активность политической борьбы.

Итак, проанализированный материал показал, что весь предвыборный дискурс издания направлен на дискредитацию образа власти. Не встретилось ни одного материала, как-то характеризующего любого другого кандидата или партию, набравшую не большинство голосов на выборах в декабре 2011 г. Во-первых, практически все материалы февраля 2012 г. в «Новой газете» посвящены предстоящим президентским выборам и событиям, связанным с ними. Статьи на другие темы в рубрике «Политика» встретились крайне редко. Во-вторых, нельзя не отметить, что взгляд на предстоящие выборы каждый раз направлялся через призму прошедших в декабре 2011 г. парламентских выборов. Тема выборов-2011 поддерживалась очень настойчиво, а в предвыборном дискурсе 2011 г. преследовалась та же цель – дискредитация официальной власти, поскольку политическая ситуация в стране, где премьер-министр, баллотирующийся в президенты, лоялен к партии власти, располагала к этому. Нельзя не отметить, что почти все кандидаты в президенты были лидерами оппозиционных партий выборов 2011 г. Отражение ситуации столкновения одних и тех же политических сил на парламентских и президентских выборах и присутствует в этом периоде политического дискурса, в одном из номеров «Новой газеты» даже появился интересный окказионализм «*поствыборная борьба*», описывающий плавный переход предвыборного парламентского дискурса в президентский.

Но, с другой стороны, в первой половине декабря «*поствыборная борьба*» отвлекла внимание на себя от президентских выборов, что нельзя считать отсутствием речевого воздействия в политическом дискурсе оппозиции, однако информационным поводом предстоящие выборы все-таки не служили.

Кроме этого, еще раз отметим явное преобладание эксплицитных, эмоциональных, а не информационных приемов воздействия. Вероятно, именно эти факторы и сыграли решающую роль в формировании дискурса и, если полагаться на его важность в создании политической ситуации предвыборного периода повлияли на политическую ситуацию в целом.

Примечания

- 1 См.: *Блакар Р.* Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия : переводы / сост. В. М. Сергеева и П. Б. Паршина ; общ. ред. В. В. Петрова. М., 1987.
- 2 См.: *Иссерс О.* Речевое воздействие. М., 2009.
- 3 См.: *Баранов А.* Лингвистическая экспертиза текста : теория и практика. М., 2007.